

Глава 8

В школьные годы Линь Ци сторонился сверстников. Его единственными собеседниками были бездомные зверушки, которых он подкармливал, встречая на улице, но никогда не решался погладить.

Он боялся, что, коснувшись их хоть раз, уже не сможет оставить на произвол судьбы и заберёт домой. Но Линь Ци, привыкший жить в одиночестве, понимал, что не сможет дать им должной заботы, а потому довольствовался лишь мимолётными взглядами издалека.

Глядя на Водяного Циля, чьи огромные глаза были полны слёз, юноша представил зверя совершенно голым и почувствовал, как сердце сжимается от жалости.

— Знаешь, — прошептал он, — моя аллергия не так уж и страшна.

Ду Чэнъин мягко улыбнулся. Он давно разгадал эту маленькую ложь: любовь Линь Ци к пушистым созданиям была очевидна. В прошлой жизни Линь Ци часто замирал, глядя на Циля тем самым тоскливым взглядом, в котором сквозило неосознанное желание. Брат Ду понимал: Линь Ци мечтал о собственном духовном звере. А может, этот Циля и вовсе по праву должен был принадлежать ему.

В тот раз именно Линь Ци, будучи на грани сил, вытащил Ду Чэнъина из озера на берег, нашёл Циля и тем самым спас жизнь будущему Владыке. По логике вещей, зверь должен был признать господином именно его, но Уся почему-то выбрал Ду Чэнъина.

Поскольку Водяные Циля способны чувствовать грань между мирами, после перерождения Уся мгновенно покинул Башню Горной Тени у Небес и отыскал своего хозяина.

Теперь же Ду Чэнъин хотел исправить ошибки прошлого. Какое значение имела посредственность Линь Ци, если сам Чэнъин вознамерился вознести его над всеми? Он заставит мир преклонить колени перед этим человеком.

А рассказы об аллергии... Старший брат просто в очередной раз пытался уступить лучшее ему. Линь Ци всегда слишком много думал о других, раз за разом забывая о себе.

— В таком случае, прими его, — ровным голосом произнёс Ду Чэнъин.

Поняв, что угроза облысения миновала, Уся облегчённо выдохнул. Куя железо, пока горячо, он снова издал нежное «мяу» и, склонив голову перед Линь Ци, подставил свой сияющий рог.

Юноша не знал, смеяться ему или плакать: легендарный зверь так старательно подражал кошке, что это выглядело почти нелепо.

Глядя на прозрачный, точно выточенный из хрусталя рог, Линь Ци на миг заколебался.

— Брат, мне всё же кажется, что вы с ним подходите друг другу куда больше.

Уся невольно согласился: он и его истинный хозяин были идеальной парой, связанной узами жизни и смерти. Но раз Ду Чэнъин приказал признать господином этого человека — так тому и быть. В конце концов, души Ду Чэнъина и Линь Ци уже давно были переплетены незримой нитью.

— А я считаю, что вы — идеальная пара, — голос Чэнъина звучал спокойно и уверенно. — Вы оба... очень белые.

«...»

Линь Ци лишился дара речи.

«Это ещё что за аргумент?»

Уся тоже возмутился.

«Когда я повзрелею, моя шкура станет угольно-чёрной! Чисто чёрной! А рог — из чистейшего золота!»

Под натиском старшего соученика Линь Ци сдался. Он осторожно коснулся рога; Уся тихо заурчал и доверчиво ткнулся лбом в мягкую ладонь.

В ту же секунду ледяной, точно стрела, взгляд Ду Чэнъина впился в зверя. Уся мгновенно замер. Он почти забыл наказ хозяина: не смей переигрывать.

— Садись, — скомандовал Ду Чэнъин, глядя на окутанные туманом горные хребты. — Посмотрим, что там впереди.

Уся послушно припал к земле, подавляя в себе желание снова мяукнуть. Под густой белоснежной шерстью перекатывались тугие мускулы — зверь выглядел по-настоящему величественно.

Линь Ци, не в силах больше сдерживаться, осторожно запустил пальцы в мех на загривке зверя.

«О боги! Какая мягкость! Какая пушистость!»

«Такой приятный на ощупь!»

Линь Ци готов был закричать от восторга. Его щёки залил румянец, а глаза засияли таким восторгом, что Ду Чэнъин почувствовал укол жгучей ревности к собственному питомцу.

«Когда же ты согласишься так на меня?»

— Попробуй сесть верхом, — негромко повторил Ду Чэнъин.

Линь Ци, совершенно одурманенный мягкостью шерсти, позволил посадить себя. Оказавшись на спине Циляня, он едва не уткнулся лицом в этот живой шёлк.

Уют и тепло зверя манили, заставляя забыть обо всём. По сравнению со спиной Уся, даже самая мягкая постель в его покоях казалась жёсткой циновкой. Шерсть Циляня, казалось, впитала в себя сам солнечный свет; хотелось прижаться к ней щекой и вдыхать этот чистый аромат.

С трудом подавив ликование, Линь Ци пару раз ласково погладил зверя.

Цилянь выпрямился, и юноша, внезапно оказавшись на высоте, инстинктивно вцепился в густой мех.

— Прости! — тут же спохватился он. — Тебе не больно?

Польщённый такой заботой, Уся мотнул головой, но не успел он издать ответное «мяу», как в ушах зазвучал ледяной голос истинного хозяина:

— Это всего лишь скотина, брат. Не беспокойся, шкура у него толстая.

Уся: «...»

Линь Ци нахмурился:

— Это же духовный зверь, как можно так о нём отзываться?

«Золотые слова!» — мысленно поддержал его Уся.

Ду Чэнъин лениво похлопал зверя по крупу:

— Твоя правда. Может, тогда ты сам дашь ему имя?

Линь Ци снова замялся.

Имя — вещь сакральная. Стоит дать его, и ты привяжешься к существу всем сердцем.

— Пусть лучше это сделаешь ты, брат, — после недолгих колебаний ответил он.

— А чем «скотина» плохо? — небрежно бросил Ду Чэнъин.

«...»

Уся лишь вздохнул. Он уже привык к такому обращению и больше не расстраивался по пустякам. Главное — шерсть осталась при нём.

Башня Горной Тени у Небес вмещала в себя просторы девяти провинций и четырёх морей. Оказавшись в этом месте пешком, легко было поддаться иллюзиям и сбиться с пути, но теперь, когда Уся стремительно нёс их сквозь горы и долины, перед Линь Ци раскрылось подлинное величие этого мира.

Здесь день и ночь сменяли друг друга в причудливом танце, а зимние снега укрывали цветущие летние луга. Такие чудеса редко встретишь в подлунном мире.

Резкий ветер разбивался о невидимый барьер, не смея коснуться лиц всадников, лишь игриво перебирал полы их одежд и длинные волосы. Белоснежный Цилянь, точно владыка этих гор, мчался вперёд, а следом за ним, влекомые дыханием Жёлтых источников, вырывающимся из его пасти, летели духовные бабочки. В глазах Линь Ци отражались проносящиеся мимо горы и реки.

В этой абсолютной, почти божественной свободе он на миг забыл, что находится внутри малого мира. Красота этого места покорила его окончательно.

«Невероятно... Не зря это место считается сокровищем горы Лунной Росы».

Одним мощным прыжком Уся взлетел на самую вершину пика. Вскинув голову, он издал оглушительный рёв, от которого содрогнулись горы. Ветер и дождь, казалось, замерли в почтении; духовные бабочки закружились в вихре вместе с белоснежной шерстью зверя. Линь Ци крепче сжал загривок Циляня. Волна чистой энергии омыла его тело, вымывая из души всю накопившуюся горечь и усталость. Это было похоже на перерождение.

Если бы сейчас юноша мог взглянуть в зеркало, он бы увидел, что его лицо преобразилось: в глазах вспыхнул острый блеск, а всё естество наполнилось силой. Его духовный уровень совершил резкий скачок.

Закончив свой триумфальный клич, Уся смущённо примолк и опасливо оглянулся на Ду Чэнъина.

Его хозяин стоял за гранью жизни и смерти. Для всех, кроме Циляня, он был невидимым ничем, но это позволяло ему безраздельно, с бесконечной нежностью и любовью взирать на улыбающегося юношу. Он сидел позади, соблюдая почтительную дистанцию, словно само солнце, которое дарит тепло и свет своему любимому творению, не посягая на его свободу.

«Хозяин... и впрямь до безумия любит того, кто на моей спине».

Линь Ци опустил взгляд и, встретившись с изумрудными глазами зверя, ласково потрепал его по голове:

— Можно я буду звать тебя Уся?

Уся? Циляню имя сразу пришлось по душе. Он довольно фыркнул, издав звук, больше похожий на мычание, но, поймав ледяной взгляд Ду Чэнъина, тут же вздрогнул и исправился:

— Мяу!

Линь Ци рассмеялся и снова погладил его:

— Ну почему ты всё время мяукаешь?

«Мяу-мяу-мяу!» — прозвучало в ответ.

«Какая разница? Раз хозяин велел — значит, я так мяукаю с самого рождения!»

— Пора выходить, — раздался голос Ду Чэнъина. — Мы и так задержались.

В Башне Горной Тени у Небес силы Инь и Ян сплетены слишком тесно; для смертного долгое пребывание здесь могло стать губительным.

Совершенные Мастера Баошу и Юаньюй вместе со своими старшими учениками замерли у выхода из Башни Горной Тени у Небес. Баошу, сменив привычную ярость на холодную отстранённость, медленно крутил в пальцах зажжённое благовоние.

Ученики один за другим буквально вываливались из портала. Зрелище было жалким: кто-то в крови, кто-то с переломанными конечностями.

Юаньюй наблюдала, как старший ученик Баошу, Гэ Ланцин, раздаёт лекарства раненым, и невольно подумала: нрав Башни становится всё более непредсказуемым. Похоже, отныне никто не может выйти оттуда, не заплатив свою цену.

Ду Чэнъин, на которого они возлагали столько надежд, в своё время тоже покинул это место израненным.

«Когда же явится тот, кому суждено остановить грядущую катастрофу?»

Юаньюй вспомнила результаты последнего гадания: знамения говорили, что беда уже на пороге. Тень тревоги легла на её прекрасное лицо.

Прошло уже немало времени с тех пор, как портал покинул последний ученик. Баошу взглянул на тлеющую палочку и сухо спросил:

— Все на месте?

— Учитель, — отозвался Гэ Ланцин, — не хватает ещё одного.

— Вот как? — Длинные бледные пальцы перебирали светло-зелёное благовоние. Баошу обернулся, и его мрачный взгляд скользнул по собравшимся.

Юаньюй, обладавшая феноменальной памятью, тоже окинула взглядом ряды учеников. Имя всплыло мгновенно:

— Линь Ци!

Лицо Баошу осталось непроницаемым. Он снова уставился на выход из Башни.

— Кто-нибудь видел Линь Ци? — нахмурившись, спросила Юаньюй у раненых.

Те лишь качали головами.

Башня была слишком огромной. Едва оказавшись внутри, они попадали под удар свирепых зверей — мысли были только о спасении собственной шкуры. Лишь пара человек мельком видели его, но вскоре они сами, не выдержав натиска, разорвали талисманы и покинули царство.

«Линь Ци со своими посредственными способностями... Если он до сих пор не вышел, значит, дело плохо».

Она резко обнажила меч, намереваясь войти в портал. Баошу преградил ей путь широким рукавом.

— Ты что задумала?

— Иду за ним, — отрезала Юаньюй.

Баошу недовольно сощурился:

— Ради чего? Из-за какого-то ничтожества рисковать собой? В Башне Горной Тени жизнь и смерть не имеют значения.

— Баошу, я знаю, что у тебя на уме. Здесь полно учеников, и я не хочу устраивать сцену, но лучше не стой у меня на пути.

Юаньюй, чей характер был таким же ярким и вызывающим, как и её внешность, без тени сомнения направила острие меча на коллегу. Баошу сверкнул глазами.

— Знаешь, что у меня на уме? Нелепость.

Терпение Юаньюй давно было на исходе. С тех пор как Ду Чэнъин появился на горе, Баошу стал ещё более непредсказуемым и мрачным, словно балансировал на грани безумия.

— Баошу, — её голос стал холодным, — неужели узы нашего братства для тебя — пустой звук?

— Раз ты так хорошо меня знаешь, то должна понимать, как «высоко» я ценю эти узы, — язвительно бросил он.

Ученики неловко замерли, боясь даже вздохнуть. Гэ Ланцин поспешил вмешаться:

— Мастерница Юаньюй, прошу вас, не горячитесь. Благовоние в руках учителя ещё горело, значит, наш соученик жив.

Юаньюй взглянула на палочку в руках Баошу, но тот с ледяным видом раздавил уголёк пальцами.

— Хочешь сразиться? Я к твоим услугам.

Гэ Ланцин лишь покачал головой:

— Учитель... ну хоть сейчас помолчите.

— Ты вздумал мне указывать? — огрызнулся Баошу.

Ученик лишь тяжело вздохнул.

Юаньюй уже готова была взорваться, но резкий порыв ветра заставил её осечься. Из разлома Башни Горной Тени у Небес хлынула волна чистой, леденящей энергии. Все присутствующие замерли, прикованные к порталу странным предчувствием.

«Снег?..»

Белоснежные искры начали вращаться в воздухе, вырываясь из сияющего прохода. Глаза Юаньюй расширились от изумления.

— Духовные бабочки! Их было сотни!

Они порхали, точно снежные хлопья, наполненные такой мощной жизненной силой, какой Юаньюй не видела никогда прежде. По сравнению с этим великолепием, та бабочка, которую она когда-то вынесла сама, казалась жалкой тенью. Мастерца невольно опустила меч.

Лицо Баошу исказилось. Он впился взглядом в выход и внезапно выкрикнул:

— Назад!

Юаньюй не успела опомниться, как Баошу схватил её за руку и рывком оттащил на несколько десятков метров. В следующую секунду из портала ударила невообразимая мощь, несущая в себе леденящее величие. Схватившись за грудь, Юаньюй сквозь зубы выдохнула:

— Что это за сила?!

Духовные бабочки кружили у самого выхода, словно в торжественном ожидании. Баошу не отрывал взгляда от разлома; его пальцы с силой впелись в руку соратницы. Но и сама она была прикована к месту неведомой волей, не смея даже вздохнуть.

В наступившей абсолютной тишине раздался рёв, способный пробудить само мироздание. Ученики содрогнулись; те, кто был ранен, вдруг почувствовали, как боль отступает, а дыхание становится легким. Руки великих мастеров мелко задрожали от напряжения.

Внезапно из сияющего марева выметнулся белоснежный вихрь и замер перед толпой. Не успели люди опомниться, как выход из Башни Горной Тени у Небес с оглушительным треском

рассыпался на мириады сверкающих осколков, в которых отражались небеса и горы. Бабочки, пролетая сквозь этот хрустальный дождь, облепили всадника в лазурных одеждах. Сидя верхом на величественном звере, юноша едва заметно склонил голову:

— Приветствую вас, учителя.

Это был Линь Ци. У Юаньюй онемели пальцы; с металлическим звоном её верный меч упал на камни.

Линь Ци чувствовал на себе десятки потрясённых взглядов. Его уши предательски запылали.

«Это и есть участь главного героя? Как-то неловко...»

Он невольно хотел опустить голову. Но тёплая, невидимая сила мягко коснулась его подбородка, заставляя смотреть вперёд. И прямо над ухом прозвучал голос — нежный, но исполненный непреклонной воли:

— Выше голову. Смотри на них свысока.

<http://bllate.org/book/15815/1423067>